

Дарья Донцова

Экстрим на сером
ВОЛКЕ
роман

Москва

Любите детективные приключения Даши Васильевой?

Крутые наследники	♡
За всеми зайцами	♡
Дама с коготками	♡
Дантисты тоже плачут	♡
Эта горькая сладкая месть	♡
Жена моего мужа	♡
Несекретные материалы	♡
Контрольный поцелуй	♡
Бассейн с крокодилами	♡
Спят усталые игрушки	♡
Вынос дела	♡
Хобби гадкого утенка	♡
Домик тетушки лжи	♡
Привидение в кроссовках	♡
Улыбка 45-го калибра	♡
Бенефис мартовской кошки	♡
Полет над гнездом Индюшки	♡
Уха из золотой рыбки	♡
Жаба с кошельком	♡
Гарпия с пропеллером	♡
Доллары царя Гороха	♡
Камин для Снегурочки	♡
Экстрим на сером волке	♡
Стилист для снежного человека	♡
Компот из запретного плода	♡
Небо в рублях	♡
Досье на Крошку Че	♡
Ромео с большой дороги	♡
Лягушка Баскервилей	♡
Личное дело Женщины-кошки	♡
Метро до Африки	♡
Фейсконтроль на главную роль	♡
Третий глаз-алмаз	♡
Легенда о трех мартышках	♡

**Проверьте, какие книги
вы еще не читали:**

Темное прошлое Конька-Горбунка
Клетчатая зебра
Белый конь на принце
Любовница египетской мумии
Лебединое озеро Ихтиандра
Тормоза для блудного мужа
Мыльная сказка Шахерезады
Гений страшной красоты
Шесть соток для Робинзона
Пальцы китайским веером
Медовое путешествие втроем
Приват-танец мисс Марпл
Самовар с шампанским
Аполлон на миллион
Сон дядюшки Фрейда
Штамп на сердце женщины-вамп
Свидание под мантией
Другая жизнь оборотня
Ночной клуб на Лысой горе
Родословная до седьмого колена
Последняя гастроль госпожи Удачи
Дневник пакостей Снежинки
Годовой абонемент на тот свет
Змеиный гаджет
Царевич с плохим резюме
Пиявка голубых кровей
Темные предки светлой детки
Мокрое дело водяного
Вакантное место райской птички
Аллергия на кота Базилио
Коза и семеро волчат
Кактус второй свежести
Плохая репутация Курочки Рябы
Ананас на ёлке
Слон для Дюймовочки
Ступа с навигатором
Блоха на балу

Дарья Донцова

Экстрим на сером
ВОЛКЕ
роман

Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д67

Разработка серии *В. Щербакова*

Иллюстрация на переплете *В. Остапенко*

Донцова, Дарья Аркадьевна.
Д67 Экстрим на сером волке / Дарья Донцова. —
Москва : Эксмо, 2025. — 352 с. — (Иронический
детектив).

ISBN 978-5-04-216235-0

Конечно же, Даша Васильева не верит в привидения! Поэтому когда ее давняя знакомая Соня Адашева рассказала, что ее преследует призрак — девочка в белом платье с веночком в волосах, — Даша авторитетно заключила: все, у подружки съехала крыша. Придет же такая дурь в голову! Но оказалось, что это вовсе не дурь. Через несколько дней Соня отравилась, завещав Даше позаботиться о своей приемной дочери Кате. Забирая ее из родного дома, Даша собственными глазами увидела девочку в белом с венком на голове...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-216235-0

© Донцова Д.А., 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

ГЛАВА 1

Если вы хотите утром, услышав противный звон будильника, моментально вскочить с кровати, положите сверху на часы мышеловку. Станете спросонья нашаривать предмет, мешающий своим криком вашему мирному похрапыванию, наткнетесь на капкан и мигом забудете про сладкие сны.

Правда, лично мне подобный способ обретения бодрости кажется слегка экстремальным. В былые времена, когда приходилось вставать на работу без десяти шесть, я, разбуженная назойливым попискиванием, тут же была несчастный будильник по «голове» и зарывалась носом в подушку. В мозгу вертелась мысль: вот сейчас полежу ровно пять минут и резво побегу в ванную. Пять минут — это всего лишь триста секунд, вполне успею потом собраться. Глаза закрывались, тело погружалось в теплую дремоту... Спустя энное количество времени веки раскрывались, взгляд падал на циферблат, я в ужасе взлетала над матрасом и, понимая, что вновь невероятно опоздала, на крейсерской скорости неслась в прихожую. Умывалась и красилась я потом в нашем институтском туалете. Впрочем, добрая половина коллег проделывала то же самое. Оставалось лишь удивиться: ну кто решил, что занятия в вузах должны начинаться в девять утра? По мне бы, первую лекцию следовало назначать эдак в полдень. Во-первых, сильно разгрузится общественный транспорт, и служивый люд доберется до своих заводов и контор не в давке; во-вторых, преподаватели обретут способность ясно мыслить и смогут излагать материал связно;

в-третьих, студенты явятся к первой паре, а не к последней и получат нужную инъекцию знаний в полном объеме. Кстати, очень многих лекторов бесят те, кто опаздывает на занятия. Не успеешь открыть рот и выдавить из себя порцию сведений, которые можно спокойно прочитать в учебнике, как дверь с противным скрипом распахивается, и очередной балбес, зевая, вваливается в аудиторию. Ну почему никто не желает осознать, что бедный, мающийся на кафедре препода тоже человек, которому до смерти хочется спать, и ему не составляет никакого удовольствия вдалбливать в столь ранний час азы знаний в твердокаменные головы юношей и девушек! Бедный профессор отвлечется, взглянет на припозднившегося и мигом потеряет нить рассказа, придется ему потом спрашивать у аудитории:

— Ну, о чем мы вели только что речь?

Наивные студенты полагают, что таким образом преподаватель проверяет, хорошо ли его слушают. На самом же деле несчастный попросту сам забыл, о чем толковал секунду назад.

Я, правда, всегда старалась изобразить, будто не замечаю опоздавшего, исключение сделала лишь однажды. В тот день на улице с утра стояла такая темень, что я едва подавила в себе желание позвонить на работу и соврать:

— Простудилась, три дня буду отсутствовать.

Отгнав мысль о симулянстве, я с огромным трудом заставила себя добраться до института, заняла место у доски и занудила про образование прошедшего времени во французском языке. Грамматика — скучная наука. В результате через пятнадцать минут в аудитории установилась мертвая тишина. Не надо думать, что студенты, восхищенные невероятно интересной лекцией, усердно записывали ее в тетради. Нет, совсем напротив. За окном стояла непроглядная тьма, ветер завывал, словно обезумевший волк, в зале не горела половина ламп — наш завхоз отчаянно экономил на электричестве. Плееров,

мобильных телефонов и тетрисов человечество еще не изобрело, студентам было нечем заняться, и они начали клевать носом. Я великолепно видела, как кудлатые головы падают на раскрытые тетрадки, но продолжала упрямо зудеть про глаголы «иметь» и «быть». В голове поселилась мысль: если они все сейчас уснут, то и мне можно будет смежить веки. До конца пары еще очень много времени, отлично покемарим. Вот уже и староста курса, отличница Маша, смотрит вокруг не бдительным, а затуманенным взором, скоро она утонет в объятиях Морфея и некому будет «стучать» на окружающих.

И тут, не успела я обрадоваться, что слушатели наконец-то заснули, хлопнула дверь. Студенты встрепенулись, я разозлилась и сердито сказала появившейся на пороге девице:

— Вот что, ангел мой, коли явились с опозданием, извольте входить в аудиторию тихо, как маленькая белая мышка! Понятно? А теперь выйдите в коридор и постоит там минут пять, пока все проспавшие не соберутся вместе, и тогда вы скопом войдете в аудиторию, тихо, словно маленькие белые мышки, ясно? Маленькие белые мышки! Только так!

Девчонка шмыгнула обратно, я раскрыла было рот, но тут дверь опять распахнулась, и на пороге возник огромный негр Рафаэль, представитель одной африканской страны. В советские годы в вузах было много учащихся из так называемых дружественных стран.

Студенты сдавленно захихикали. Рафаэль, дурно говоривший по-русски, приложил палец к губам и трагическим шепотом возвестил:

— Тс-тс, я маленький белый мыш!

Тут уж от хохота слегли все, вместе со мной.

Слава богу, теперь мне не надо зарабатывать себе на хлеб насущный, могу преспокойно вылезти из-под одеяла в районе полудня и, зевая, отправиться пить кофе. Поэтому совершенно непонятно, с какой стати сейчас

орет будильник. Я что, завела его? Куда-то собралась? Да зачем?!

Решив, что произошла ошибка, я повернулась на другой бок и с наслаждением вздохнула. Боже, какое у меня теплое одеяло, замечательный матрас, мягкая подушка...

— Мать, — заорал, врываясь в комнату, Аркадий, — я так и знал! Спишь!

Я села и недовольно спросила:

— С какой стати мне бегать по дому? Только восемь пробило! Лучше ответь, почему ты не на работе?

Аркадий открыл было рот, но тут в мою спальню влетела Зайка и затопала ногами:

— Из-за тебя все опоздают!

— Куда?

Ольга повернулась к мужу:

— Вот. Сколько раз говорила тебе: у Даши в связи с возрастом начинаются мозговые явления! А ты возражал, дескать, мать просто придуривается. Теперь убедился? Разве может нормальный человек забыть то, о чем неделю толкуют домашние! Надо срочно позвонить Оксанке и спросить, что пьют от начинающегося маразма! Сегодня она забывает нужную информацию, завтра начнет ножки у стульев грызть, решит, что это ее любимые сухарики. Я не могу наблюдать, как гибнет личность! Аркадий! Что ты молчишь?

Я задохнулась от возмущения. Маразм! Он бывает только у очень пожилых людей, да и вовсе не со всеми! Если я и забыла о чем-то...

— Не пойму никак, — заглянула в спальню домработница Ирка, — вы синий комбинезон со стразами берете? Или только красный класть? Тот, что Манюня из Парижа привезла?

— О боже! — закатила глаза Ольга. — Ну ничегошеньки никому поручить нельзя! Все самой делать приходится! Синий со стразами! Он же специально куплен!

И тут я мигом вспомнила все.

Тот, кто хорошо знает нашу семью, в курсе того, что в Ложкине проживает стая собак во главе с мопсом Хучем. Каждый год, летом, мы его вывозим на выставку. Хучик никогда не получает медалей, у него, по мнению компетентного жюри, неправильно поставленные уши, слишком крупная голова и беда с задними лапами, слишком уж они кривые. Но Манюня и Зайка не теряют надежды обрести хоть малюсенький дипломчик, потому сборы Хучика на ринг напоминают подготовку супермодели к эксклюзивному показу мод. Вчера мопса торжественно выкупали в шампуне, производителя которого пообещали, что собака после использования сего средства будет благоухать фиалками. Затем его шерсть намазали кондиционером, придающим пушистость, потом натерли шкурку специальным лосьоном и отполировали до блеска замшевой тряпочкой. Хуч сначала отбивался, но, поняв, что от судьбы не уйдешь, вздохнул и молча терпел последующие процедуры. Он стойчески вынес чистку ушей и зубов, не стал возражать, когда Зайка специальной щеточкой пригладила ему волосы на хвосте. Бедный мопс лишь чихал, когда Маня покрывала его когти лаком и примеряла на шею роскошный ошейник из темно-синей кожи с фальшивыми бриллиантами. Кстати, по поводу цвета поводка в нашем доме развернулась нешуточная баталия. Зая сначала предложила розовый, но ее затоптали ногами. Разве уважающий себя мопс-мужчина станет разгуливать, словно Барби, на шлейке поросячьего цвета? Голубой тоже отмели, слава богу, у Хуча нормальная ориентация, черный показался всем мрачным, зеленый и оранжевый — вульгарным, красный излишне игривым, коричневый банальным. Стоит ли говорить, что все домашние, включая садовника Ивана, домработницу Ирку и кухарку Катерину, жарко отстаивали свои позиции? В результате у нас на лужайке завяли тюльпаны, по дому клоками моталась пыль, а на стол по-

давались сильно подгоревшие ватрушки. Страсти достигли накала в субботу, когда Зая, появившись на экране телевизора, заявила на всю страну:

— Ну а теперь, в самом конце нашего выпуска, о боксе. На ринг вышли мопс Хуч, то есть, простите, мастер спорта...

Вернувшись домой, Ольга устроила всем разнос, а потом заявила:

— Хуч будет в синем! Всем молчать!

Спорить с закусившей удила Заюшкой дело опасное, чреватое непоправимыми последствиями для здоровья, поэтому мы с Манюней порулили в магазин для собак и приобрели там комбинезоны, поводки, шлейки, ошейники, ботиночки, кепочку, плащик, матрасик, попонку, пледик и зонтик. Все синего цвета.

Увидав «приданое», Хуч потерял всякое самообладание. Впрочем, шлейку он нацепил с видимым удовольствием, небось бедняга подумал, что его берут на прогулку. Но вот от остальной одежды отказался с визгом. Никакие беседы с рефреном: «Приличная собака приезжает к рингу в ботиночках, кепочке и плаше, ты же не бомж какой», на Хуча не подействовали. Поэтому было принято решение: завтра встаем пораньше, забираем все необходимое с собой, едем на выставку, по дороге облачаем Хуча и выводим его из машины при всем честном народе нарядным, надушенным — в общем, великолепным. И вот теперь я проспала.

Испугавшись, что из-за меня Хуч явится на собачью тусовку к шапочному разбору, я мгновенно влезла в джинсы, футболку и понеслась вниз. Домашние метались по холлу, собирая необходимое.

— Сумка с одеждой у меня! — крикнула Маня.

— Пакет с поводками, щетками и кремами в джипе, — сообщил Кеша.

— Во, — задыхаясь, пробасила Катерина, — накость, возьми, тут миска, бутылка минеральной воды без газа,

упаковка собачьего печенья, сырныи чипсы и кофе в термосе. Вдруг мальчик поесть захочет.

— Еще плед нужен, вон тот, новый, чтобы собака не на траве лежала, — суегилась Зайка.

— И матрасик, — добавила Ирка.

— Букетик прихватите? — предложил Иван. — Поставите в вазочку около мопса, классно смотреться будет!

— Где пудра для блеска шерсти?

— Лак для когтей?

— Кепочку, кепочку забыли.

— Зонтик от солнца.

— Раскладные стулья.

— Полотенца, вдруг он измажется.

— Таблетки для освежения дыхания.

— Ватные диски, глаза вытирать.

— Игрушки! Он же заскучает.

Я юркнула во двор и наткнулась на Дегтярева с видеокамерой.

— Ты чем занимаешься?

— Хочу запечатлеть наш отъезд на выставку, — пояснил полковник, — для семейной хроники, отойди в сторону, не мешай процессу!

Я отправилась к своей машине. Интересно, возьмут ли домашние с собой СВЧ-печку, чтобы погреть мопсу еду? Может, посоветовать им прихватить из гостиной диван? Хуч обожает спать на нем, зарываясь в гору пледов.

Наконец, загрузив в багажники неисчислимое количество сумок, все расселись по автомобилям и тронулись в путь. Я вцепилась в руль и тут же услышала звонок мобильного.

— Мать, — сурово сказал Аркадий, — включи фары.

— Зачем? Светло ведь!

— Мы же едем колонной!

Я усмехнулась. Действительно, кавалькада выглядит весьма внушительно. Впереди на черном полированном джипе мчится Аркадий, на переднем сиденье, около во-

дителя, восседает Манюня. Следом на красной иномарке несется Зайка, далее на малолитражном серебристом «Пежо» рулю я, за мной плюхает Ирка на «Жигулях» цвета взбесившегося апельсина, замыкает строй Дегтярев, гордый владелец черного «Запорожца». Уж не знаю, что приходит в голову остальным участникам движения при взгляде на нас.

К месту проведения выставки мы прибыли без проблем, разбили лагерь, поставили зонт от солнца и перевели дух.

— Ну, — радостно велела Зайка, — давай, Дашута, веди Хуча.

— Он не у меня, а у Машки.

Машка вытаращила глаза:

— Вовсе нет! Хуча прихватила Ирка! Мопса в джипе всегда тошнит.

— Вы чего? — завозмушалась домработница. — Хуч у полковника.

— Никогда бы не взял собаку! — воскликнул Александр Михайлович. — Он мне мешает управлять автомобилем! Мопс у Кеши.

Круг замкнулся, все притихли.

— Значит, мы забыли его дома! — подвел итог Кеша.

— Немедленно назад! — завопила Ольга.

Я постаралась сохранить серьезное, озабоченное выражение лица. Но предательская улыбка медленно раздвинула губы. Причесанный, надушенный, наманикюренный Хуч преспокойно дрыхнет на любимом диване в гостиной, а взбудораженные хозяева с горой прибабасов растерянно топчутся в месте проведения выставки! Такое могло произойти только с нами!

— Живо, — нервничала Ольга, — гоним назад.

Я пошла было к «Пежо», но услышала Зайкино заявление:

— А ты лучше оставайся здесь! Карауль барахло.

— Действительно, — подхватил полковник, — ворья

кругом развелось — жуть! Страшное дело! На ходу подметки рвут!

Я покладисто села на раскладной стульчик. Вот и хорошо, без меня управятся, я понаблюдаю пока за другими собаками, почитаю детективчик. Взгляд упал на термос и пакет, набитый харчами. Я обрадовалась еще больше: из-за суматохи не успела позавтракать, сейчас же могу спокойно попить кофейку.

Отыскав одноразовые стаканчики, я налила в один ароматного напитка, залпом выпила его и ощутила голод. Порылась в пакетах. Из продуктов имелась лишь собачья еда. Решив, что печенье для мопсов не очень отличается от обычных крекеров, я вытащила один из серых бисквитов и принялась грызть его, надеясь заглушить не к месту разыгравшийся аппетит.

— Даша, — раздался тихий голосок, — надо же, ну и встреча.

Я повернула голову и увидела приятную полную женщину. Коротко стриженные белокурые волосы явно побывали в руках хорошего парикмахера, на шее у нее висела красивая золотая цепочка, элегантный костюм, обувь и сумку она явно приобрела не на толкучке, и пахнет от нее моими любимыми духами — похоже, у дамы нет особых материальных проблем.

— Не узнаешь меня, — улыбнулась блондинка.

— Ну... э...

— Значит, нет!

— Простите, но...

— Неужели я столь изменилась! О тебе такого не скажешь, — проговорила незнакомка, меряя меня взглядом, — небось постоянно на диете сидишь, ни грамма лишнего в рот не возьмешь!

Я хотела было ответить, что ем все подряд и остаюсь при своих сорока восьми килограммах, но вовремя спохватилась. Многие женщины воспримут подобную ин-

формацию неадекватно, а я очень не люблю, когда мне завидуют.

— Значит, совсем я постарела, — подытожила женщина, — да уж, время никого не красит! Ладно, давай знакомиться снова: Роза Яковлева.

Я подскочила на стуле.

— Розка! Но ты же была брюнеткой!

Яковлева прищурилась.

— Эко удивленье! Про краску для волос слышала? Человечество придумало много интересного: косметику, например, мыло опять же... Или ты не моешься?

Я постаралась сохранить на лице улыбку. В последней фразе вся Роза. В те годы, когда мы работали на одной кафедре, Яковлева отличалась редкостным умением так отбрить собеседника, что тот на некоторое время терял дар речи. Впрочем, тогда абсолютное большинство коллег предпочитало не связываться с Розкой. Ее папа, Михаил Николаевич, был ректором нашего вуза, и судьба преподавателя, поставившего на место нагловатую Розу, скорей всего, была бы печальной. На меня вдруг накатили воспоминания.

ГЛАВА 2

Яковлева появилась на нашей кафедре весной, и мы тут же поняли: эта девушка укажет каждому его место. Досталось всем, даже старенькому профессору Ивану Митрофановичу Рыжову, некстати сделавшему Розке замечание:

— Уважаемая, кхм, коллега. Вы являетесь преподавателем, то бишь образцом для подражания, должны подавать студентам правильный пример. Не кажется ли вам, что статус учителя предполагает определенные ограничения? Не следует носить мини-юбки размером с ладонь, я себе такого никогда не позволял!

Розка прищурила умело подкрашенные глазки и раз-

разилась тирадой. Она орала с такой силой, что на люстре лопнул один из плафонов. Заключила Яковлева выступление замечательной фразой:

— Вы, Иван Митрофанович, правильно гордитесь, что никогда не носили мини-юбки. С вашими кривыми волосатыми ногами сей наряд противопоказан. Думается, вы и в молодости таскали брюки, смею надеяться, что вы всегда принадлежали к мужскому полу и юбочки не для вас. Впрочем, нет ли среди ваших родственников шотландцев?

Рыжов втянул голову в плечи и бежал быстрее лани, оставив поле боя за молодой особой. Ивану Митрофановичу были свойственны порой странные заявления. Члены кафедры, уважая его седины и научные заслуги, не обращали на них внимания, но Роза была не из тех, кто умеет интеллигентно молчать. А еще она отлично одевалась, имела две шубки, пользовалась польской косметикой, каждый день душилась дорогими духами и сверкала красивыми колечками. Хватило бы и этого набора, чтобы вся женская часть не только кафедры, но и института возненавидела молодую модницу, но вскоре нашлись и другие, более веские причины для поголовной нелюбви к ней.

Розочка быстро написала диссертацию. Справедливости ради нужно сказать, что работа была вполне удобоваримой, не хуже и не лучше, чем у других соискателей — очевидно, папа-ректор дотошно выправил текст. По-хорошему, диссертацию следовало бы рекомендовать к защите, но наши бабы решили оттянуться и на предварительном обсуждении старательно вытерли о Розу ноги. В особенности неистовствовали две дамы климактерического возраста: Лена Трошкина и Наташа Бойко.

Красная Роза с глазами, полными слез, понеслась домой. Я в аутодафе не участвовала, лежала с гриппом, информация доползла до меня с опозданием, когда реки крови уже пролились. Михаил Николаевич, узнав, как

обошлась кафедра с его любимой дочуркой, взбесился и принялся мстить. Лену Трошкину уволили за опоздания. Де-юре рабочий день в институте начинался в девять утра, де-факто же преподаватели, не имевшие первой пары, спокойно приходили кто к одиннадцати, кто к полудню. Естественно, никому в голову не приходило, что он нарушает трудовую дисциплину, в вузах не принято сидеть от звонка до звонка. Представьте теперь удивление Ленки, когда ее вызвали на ковер и сообщили:

— Вот список ваших опозданий на службу, забирайте трудовую книжку.

Наташу Бойко выгнать не удалось, но хитрый ректор навалил на нее столько работы, что бедная сама ушла, не вынеся непомерной нагрузки.

Сотрудники кафедры урок усвоили и стали сквозь зубы улыбаться Розке, та же, поняв, что обладает статусом неприкосновенности, позволяла себе более чем резкие высказывания.

Впрочем, ко мне Роза не приставала, я была самой мелкой спицей в колеснице, тягловая рабочая лошадь безо всяких покровителей: ни мужа, ни папы, ни любовника у меня не было. Я не занимала никаких должностей, не стояла у Розки на дороге, одевалась намного хуже ее и не пользовалась в коллективе особым авторитетом. Словом, самая обычная женщина с головой, забитой хозяйственными заботами. Роза меня попросту не замечала. В легкое изумление она пришла, когда я, вернувшись в первый раз из Парижа, одарила всех сувенирами. Когда же по институту на легких ногах разнеслась весть о том, что госпожа Васильева из нищей оборванки превратилась в богатую женщину¹, Розка подошла ко мне и предложила:

— Давай ходим в кино!

---

¹ См. книгу Дарьи Донцовой «Крутые наследнички», изд-во «Эксмо».

Мне стоило огромного труда не расхохотаться ей в лицо. От предложенной чести я отказалась, а потом уволилась из института. Более с Розкой мы не встречались, и вот надо же, столкнулись случайно на выставке.

Розка села на один из складных стульев и принялась рассказывать о своей жизни. Отец ее умер, докторскую защитить ей не удалось. Муж ушел к другой, детей, слава богу, нет, их заменяет собака породы чихуахуа.

— Где ты работаешь? — для приличия спросила я, совсем не радуясь встрече.

Розка усмехнулась:

— В торговле.

Я улыбнулась:

— Хорошее дело.

— Главное, прибыльное, — кивнула Роза. — Ты продукты где покупаешь?

— Ну... в разных местах.

— Систему магазинов «Рай гурмана» знаешь?

— Конечно, заглядываю в эти супермаркеты.

— И как? Нравится?

— Да, редкое сочетание хорошего ассортимента, умеренных цен и приветливого персонала. У них над каждой кассой висит плакат «Улыбка ничего не стоит, но дорого ценится».

— Еще бы этим лентяям не улыбаться за такую-то зарплату, — хмыкнула Роза, — это мои.

— Что твои? — не поняла я.

— Супермаркеты «Рай гурмана», — пояснила Роза. — Я их владелица.

— Да ну? Молодец! Такой бизнес поднять! Неужели ты одна справилась? — с искренним удивлением воскликнула я.

Роза улыбнулась:

— Компаньонка у меня есть. Ну-ка, подожди.

С этими словами она вытащила мобильный и сказала:

— Слышь, беги ко мне, центральная аллея, место номер восемьдесят семь.

Потом, сунув сотовый в карман, Роза, засмеявшись, добавила:

— Сейчас еще не так удивишься! Вон, смотри кто идет!

Я проследила за рукой Розки и мгновенно узнала приближавшуюся женщину: Соня Адашева, тоже моя бывшая коллега.

— Дашка! — завопила Сонька, кидаясь мне на шею и царапая ее огромными бриллиантовыми серьгами. — Ну и ну. Это судьба! Только я о тебе подумала на днях, а ты тут как тут. Зачем сюда приехала?

— Шикарный вопрос тому, кто стоит возле ринга с поводком в руках, — Роза не упустила возможности поехидничать. — Ясное дело, Дарья хочет тут занавески купить.

— Занавески? — вытаращилась Соня. — Ну это она не по адресу явилась. Слышь, Дашут, лучше всего ткань на рынке брать, пиши адресок.

Я обняла Адашеву еще раз. Вот уж с кем у меня были хорошие отношения, так это с Соней. Ее отец, очень богатый человек, то ли чеченец, то ли дагестанец, то ли ингуш. Простите, если кого-то сейчас обидела, но меня никогда, ни в прошлом, ни в нынешнем времени, не интересовала национальность знакомых.

Все сотрудники нашего института знали, что Соня из очень обеспеченной семьи, но я, ей-богу, не в курсе, чем зарабатывал на жизнь ее папа. В отличие от Розы Соня никогда не выпячивала своего материального благополучия, одевалась скромно и старалась казаться незаметной. Узнав, что я собачница и кошатница, Соня напросилась в гости, а потом изредка бывала у нас, каждый раз принося в подарок что-нибудь вкусное и одаривая Аркашку машинками. Нас можно было бы считать подругами, если бы не одна особенность Сони: она никогда ничего не рассказывала о своей личной жизни. Один раз только обмолвилась, что замуж выйти может лишь за

того, кого выберет отец, а он пока не завершил кастинг женихов. И еще, Сонечка очень любила домашних животных, но не могла себе позволить ни щенка, ни котенка, ее родители не жаловали четвероногих и очень дорожили убранством квартиры: мебелью, коврами и занавесками. Мне же было наплевать на дрова и тряпки, поэтому Соня отводила душу, играя с Клеопатрой, Снапиком и наблюдая за хомячками и жабами.

Но после того, как наша семья стремительно вознеслась к высотам благополучия, Адашева ходить в гости ко мне перестала. Наверное, не захотела навязываться, или ей запретил общаться с Васильевыми папа.

Сейчас Соня выглядела великолепно: стройная, в элегантной одежде, с эксклюзивными, может, излишне дорогими для дня украшениями. Около ног Адашевой крутился очаровательный шпиц.

— Вот, знакомься, — сказала Соня, — Джозефина, в просторечье Зифа.

Я наклонилась и погладила собачку. Значит, родители Сони скончались, а может, она наконец вышла замуж? Я ведь ничего не знаю о Соне, мы мимолетно общались.

— Участники под номерами сорок семь, сорок восемь и сорок девять приглашаются на ринг. Напоминаем, опоздавшие не будут допущены на конкурс, — прозвучало из репродуктора.

— Ой, — засуетилась Роза, — нас зовут! Микки, побежали скорей!

— Можешь не торопиться, — захихикала Соня, — сама знаешь, что у нас Степнов со своей Шельмой в победителях. Он уверен в себе, да и Анька тоже, я видела, разделись, словно на свадьбу, и о моське он как о чемпионе говорит.

— Ну ладно тебе, — отмахнулась Роза, — хватит глупости болтать.

Оставив после себя запах дорогих духов, она убежала.